

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'1

Л.А. Бушуева

ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ И ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ «НЕРАЗУМНЫЙ ПОСТУПОК» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Рассматриваются особенности категоризации знаний о неразумных поступках в терминах теории прототипов и фреймов. Представлена фреймовая модель категории «неразумный поступок», исследована специфика ее репрезентации в лексической системе русского языка, русской речи и обыденном сознании носителей русской культуры. Прототипические значения слотов фрейма определяются на основе учета и соотнесения лексикографических, дискурсивных и ассоциативных данных.

Ключевые слова: поступок; неразумный поступок; фрейм; прототип; дискурсивный анализ; вербальные ассоциации.

С точки зрения современных исследователей, центральной проблемой когнитивной лингвистики является проблема категоризации знаний об окружающей действительности. Значимость категоризации определяется тем, что, по словам Е.С. Кубряковой, «это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, как-то систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т.п.» [1. С. 25]. Человеческая память устроена таким образом, что языковые элементы, которые в ней хранятся, упорядочены определенным образом, при этом языковые категории выступают основанием такого упорядочения. Изучение того, каким образом «языковое сознание расчленяет действительность на отдельные», является одной из задач языкознания [2. С. 201].

Одним из способов исследования процессов категоризации действительности и отражения этих процессов в языковых структурах является интерпретация языковых средств, классифицирующих отдельные фрагменты мира. Существенным представляется вопрос о том, каким образом организованы категории в языке. Категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков [3. С. 121]. Часть знаний, получаемых человеком, структурируется по принципу вариант – инвариант, но большая часть опыта организована более сложным способом, посредством лучевых структур с прототипичными и периферийными членами категории [4. С. 11].

Для категоризации знаний весьма эффективным оказывается образ сетки или сходный с ним образ фрейма (термин М. Минского). Основным признаком фрейма является то, что это всегда структурированная единица знания. Любой вид человеческой деятельности «фреймируется» общепринятыми правилами. Эти правила образуют базовые схемы восприятия, опираясь на которые, человек осознает последовательность действий в той или иной ситуации. Согласно концепции М. Минского, процесс мышления человека основан на наличии в его памяти большого количества разнообразных фреймов, из которого при необходимости отбирается соответствующий [5. С. 14].

В когнитивной лингвистике фреймовая теория занимает одно из центральных мест. Применение мето-

дики фреймового анализа для исследования различных языковых единиц дает много преимуществ, благодаря свойствам фрейма: категориальный принцип организации знаний, представление знаний о типизированной ситуации, четко выстроенная иерархическая структура, возможность динамики [6. С. 31].

В категориях есть прототипы, выделяющиеся элементы, вокруг которых группируются все остальные входящие в категорию объекты. При распознавании объектов сознание человека опирается именно на прототипы, наиболее яркие представители множества, так как их определяющие черты, их сущность являются когнитивными ориентирами для той или иной категории [7. С. 39; 8. С. 185]. Описание языковых категорий базируется на исследовании прототипов. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей категоризации представлений о неразумных поступках в русской лингвокультуре. Инструментами решения этой задачи служат теория фреймов и теория прототипов.

Категория «неразумный поступок» является субкатегорией более общей категории «поступок», выделяемой по ряду существенных признаков. Вслед за исследователями (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв, С.Л. Сахно, Н.Д. Арутюнова и др.), полагаем, что необходимо разграничивать понятия «поступок», «событие» и «действие». В отличие от событий, поступки представляют собой то, что уже произошло. Важным признаком, отличающим поступки от действий, является оценка. Именно оценка может придать действию статус поступка [9].

Поступок в данном исследовании рассматривается как сознательное и разумное действие человека, совершающееся в результате реализации мотива и вызывающее определенную реакцию у окружающих в виде оценки.

Номинации поступков в коммуникации предшествует когнитивно-концептуальный этап. Номинатор поступков, исходя из фоновых знаний о мире, тогда корректно отражает в сознании воспринимаемые поступки, когда классифицирует их, тем самым отделяя одни поступки от других. Такая классификация возможна в том случае, если у реципиента в фоновых знаниях о мире есть представление о типах поступ-

ков. Тогда языковое сознание, а с помощью него и язык «как бы набрасывает “сетку понятий”, которая, расчлняя объективную действительность, создает языковую картину мира» [10. С. 8].

При концептуализации воспринимаемого поступка в сознании остаются только функционально обязательные компоненты, соотношенные с прототипом структуры поступка. Использование языковым сознанием принципа аналогии в его рефлексивной деятельности и в дальнейшем проецировании функционально-семантической структуры концепта того или иного прототипа поступка на инвариант номинанта можно отнести к реализации принципа мыслительной и языковой экономии [11. С. 391].

В языке поступки представлены именами существительными и глаголами: *благодаяние, благодетельствовать; предательство, предавать* и др.). Фреймовая структура поступков ранее не подвергалась анализу, что обуславливает новизну данного исследования.

Методика фреймового моделирования ситуации поступков на основе языковых данных позволяет раскрыть структуру и содержание знаний о поступках.

Цель исследования – на примере семантической группы «неразумный поступок» показать то, каким образом в языке, речи и вербальных ассоциациях репрезентирована общая когнитивная модель поступков, т.е. их инвариантный фрейм, который, предположительно, состоит из элементов «мотив», «агент», «действие», «оценка», «результат». Как показывают проведенные ранее исследования, имена поступков по-разному репрезентируют данную модель [12, 13]. В задачи данной работы входит анализ того, какие из перечисленных элементов инвариантного фрейма поступка находятся в большем или меньшем фокусе внимания в процессе восприятия ситуации «неразумный поступок», каково содержание и прототипические значения слотов фрейма данной категории поступков.

Теоретико-методологической основой исследования служит положение о том, что единицы когниции, к которым относятся фреймы, многообразно вербализованы в языке и речи: репрезентированы конвенциональными значениями языковых единиц, разными типами их отношений и связей, характером дискурсивной экспликации, закреплены в ассоциативно-вербальной сети говорящих (ср., например, приемы моделирования фреймов в работах [14–16]).

Источниками материала исследования послужили данные толковых, синонимических, идеографических, ассоциативных словарей, тексты художественной, публицистической, устной речи XX–XXI вв., включенные в Национальный корпус русского языка [17]. Рассматривались семантика, функционирование, ассоциативные связи существительных со значением «неразумный поступок» (имена неразумных поступков), а также однокоренные с ними лексемы, которые репрезентируют ситуацию данного поступка. Всего было проанализировано 13 718 контекстов с 26 лексемами, вербализующими ситуацию неразумного поступка.

В русском языке категория «неразумный поступок» репрезентирована именами поступков *безрас-*

судство, безумие, безумство, глупость, идиотизм, идиотство. Семантической особенностью данных единиц является способность обозначать свойство и поступок, например, «глупость – 1. недостаток ума, сообразительности: *Поступил так по глупости*; 2. глупый поступок» [18. С. 210]. Выделенные в русском языке на системно-языковом материале признаки поступков группы «неразумный поступок» позволяют провести разграничение внутри группы относительно разных типов действий, лежащих в основе поступков: 1) *глупость, идиотизм, идиотство* – имена глупых поступков; 2) *безрассудство, безумие, безумство* – имена несдержанных, опрометчивых поступков. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» прилагательные *глупый* и *безумный* также рассматриваются в разных группах и противопоставляются на том основании, что единица *безумный* в том числе описывает больных рассудком людей, в отличие от единицы *глупый*, обозначающей людей, умственные способности которых в том или ином отношении недостаточны [19. С. 214].

Значение «поступок, выходящий за пределы здравого смысла» объединяет поступки в одну группу. Ср.: «глупость – нечто неразумное, неумный поступок. *Большая / огромная / ужасная / страшная / несусветная / непростительная глупость. Сделать / совершить глупость*» [20. С. 190]; «идиотство – глупый, бессмысленный поступок. *Без воды идти в пустыню – идиотство!*» [21. С. 274]; «идиотизм – бессмысленный, глупый поступок, поведение. *Это просто идиотизм!*» [18. С. 375]. Лексемы *безумие, безумство, безрассудство* обозначают неразумный поступок, который также характеризуется несдержанностью и опрометчивостью. Ср.: «безумие – крайнее безрассудство, безрассудный поступок» [Там же. С. 68]; «безумство – = безумие: *Совершить безумства*» [Там же]; «безрассудство – 1. отсутствие здравого смысла; 2. безрассудный поступок», при этом «безрассудный – отличающийся безрассудством; неосмотрительный, опрометчивый. *Поступить безрассудно. Безрассудно отправляться в дорогу ночью*» [Там же].

В языке представления о поступках выражены не только именами поступков, но и однокоренными лексемами, которые вместе описывают ситуацию того или иного поступка. Лексикографический анализ, анализ сочетаемости и контекстуальных связей лексем, однокоренных с именами поступков *глупость, безрассудство, безумие, безумство, идиотизм, идиотство*, показал, что к репрезентантам ситуации «неразумный поступок» можно отнести следующие лексемы:

– имена лиц, которые могут совершать неразумные поступки: *глупец, дурак, дура, идиот, идиотка, безумец*. Все перечисленные имена могут выступать в двух функциях – служить наименованиями постоянных, имманентных свойств лица и непостоянных, «событийных» свойств. Эти две функции непоследовательно, неединообразно представлены в русской лексикографии. Ср.: в Малом академическом словаре выделена первая функция: «глупец – глупый человек» [22]; «безумец – 1. сумасшедший; 2. крайне безрассудный

человек»; «дурак – глупый, тупой человек»; «идиот – 1. человек, страдающий идиотией, слабоумием; 2. дурак, болван, тупица» [Там же]; в Большом толковом словаре русского языка подчеркнуты и первая, и вторая функции имени *глупец*: «глупец – глупый человек; о том, кто сделал или сказал глупость» [18. С. 210]; первая функция имени *дурак*, а также устойчивые выражения, актуализирующие то, что дураку свойственно совершать неразумные поступки: «дурак – глупый, тупой человек. *Дураку (дуракам) закон не писан*. Бесполезно требовать от глупого человека разумных поступков. *Свалять дурака*. Поступить глупо, необдуманно» [Там же. С. 288]; в Большом универсальном словаре русского языка подчеркиваются первая и вторая функции лексемы: «дурак – человек, который плохо соображает, примитивно мыслит, не знает, не понимает простых вещей, а также употребляется по отношению к человеку, который сказал, сделал что-то глупое, нелепое, вообще не нравится кому-либо» [20. С. 281]; *идиот* и *безумец* представлены в Большом толковом словаре русского языка в первую очередь как лица с поврежденным рассудком и вторично – как лица-носители свойств «глупость» (*идиот*) и «безрассудство» (*безумец*): «идиот – 1. человек, страдающий идиотией, слабоумием; 2. дурак, болван, тупица» [18. С. 375]; «безумец – крайне безрассудный человек (первоначально – о человеке, лишившемся рассудка; сумасшедшем)» [Там же. С. 68].

В аспекте категоризации представлений о неразумных поступках лица носители свойств, обозначаемых рассматриваемыми именами, выступают как те, кто ожидаемо может такие поступки совершать. Актуальными агентами неразумных поступков оказываются лица, их совершившие, независимо от того, являются ли они носителями соответствующих свойств. Таким образом, реализация «событийной» функции у имен типа *глупец*, *идиот* может осуществляться как на основе синкретизма с представлениями об имманентных ментальных свойствах лица, так и самостоятельно, путем точечного переноса этих свойств на лица, не являющиеся их постоянными носителями. В последнем случае для употребления данных имен характерна позиция в составе конструкции сравнения, а также предикативная функция. Ср.: *вести себя как глупец / идиот / идиотка / дура / безумец; поступок глупца / идиота / безумца; поступать как глупец / дурак / идиот / идиотка; будешь дураком / дурой / идиотом / идиоткой, если сделаешь это*; «валять дурака – делать глупость, поступать не так, как следовало бы в данной ситуации. *Знаешь, я дачу продал. – Это ты большого дурака сваял*» [20. С. 281].

– наименование действий, лежащих в основе поступка: *глупить, наглупить, сглупить, дурить, дуровать, сдурить, безумствовать*. Действия, связанные с неразумными поступками, представлены как единичные (*сглупить, сдурить*) и повторяющиеся (*глупить, дурить, дуровать, безумствовать*), отличающиеся особой интенсивностью (*наглупить, безумствовать, дуровать*). Ср.: «глупить – делать или говорить глупости, вести себя глупо. *Пойду ва-банк! – Не глупи! Разговор серьезный, а ты все глупишь!*» [18. С. 210]; «наглупить – наделать глупостей, глупо

поступить. – *Она очень просила ваш адрес. Я уж думал, не наглупил ли, что упомянул вашу фамилию*» [22]; «сглупить – сделать глупость»; «дурить – совершать нелепые, сумасбродные поступки; делать глупости» [18. С. 288]; «сдурить – поступить глупо, необдуманно; сглупить. – *Убийца был наверху, когда Кох и Пестряков стучались, и сидел на запоре. Кох сдурил и пошел вниз, тут убийца выскочил*» [22]; «безумствовать – поступать крайне безрассудно; неистовствовать. *Сам я большие не способен безумствовать под влиянием страсти*» [Там же].

– оценочные прилагательные и наречия, характеризующие поступки / агентов поступков: *глупый, глупо, идиотский, по-идиотски, безрассудный, безрассудно, безумный*. Ср.: «безумный – перен. тот, кто поступает крайне безрассудно, неразумно; 3. свойственный неразумному человеку» [23]; «безрассудный – 1. несдерживаемый доводами рассудка, здравого смысла; 2. поступающий вопреки здравому смыслу; неосмотрительный» [Там же]; «глупый – такой, который объясняется недостатком разумности, свидетельствует о непродуманности чего-либо, а также такой, содержание которого отличается низким интеллектуальным уровнем. *Глупая выходка*» [18. С. 210]; «глупо – нареч. к *глупый*. *Поступить глупо*» [22]; «идиотский – бессмысленный, глупый, нелепый. *Идиотский поступок*» [18. С. 375]; «безрассудно – неразумно, опрометчиво. *Идти в зимний поход, не снарядившись как следует, – безрассудно*» [22].

Лексикографический анализ показал, что на уровне лексической системы русского языка вербализованы знания носителей языка о действиях, лежащих в основе неразумных поступков, лицах, склонных обычно или в отдельных случаях совершать подобные поступки, а также об оценке неразумных поступков и их агентов. Выделенные признаки позволяют смоделировать соответствующие слоты: 1. Агент неразумного поступка (*глупец, дурак, дура, идиот, идиотка, безумец*); 2. Действие, лежащее в основе неразумного поступка (*глупить, наглупить, сглупить, дурить, дуровать, сдурить, безумствовать*); 3. Оценка неразумного поступка / агента неразумного поступка (*глупый, глупо, идиотский, по-идиотски, безрассудный, безрассудно, безумный*).

В русскоязычном дискурсе содержание данных слотов раскрывается следующим образом (источниками материала послужили тексты Национального корпуса русского языка [17]):

Слот «Агент неразумного поступка». В целом из контекстов ясно, что любой человек способен на неразумный поступок: *А Ленка ушла. Он сделал глупость. Все делают глупости. Все ошибаются* (В. Дергачева. Монологи); *Мало найдется людей во все неспособных совершать глупости, но Тусяда совершил то, чего бояться совершит даже неразумные дети* (А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы).

Однако к наиболее типичным агентам неразумного поступка относятся:

– молодой и неопытный человек: *Единственное, чему можно завидовать, это молодости и ее безрассудствам* (С. Есин. Марбург); *Нагромождение нелепых поступков, глупостей, просто идиотизма – и со*

стороны Ирины, и со стороны Леонида, который будто и не повзрослел, вел себя неадекватно (А. Славковский. Большая книга перемен);

– человек в измененном психологическом состоянии: *Но несравненно больше глупостей наделают те, кто поддастся паническим настроениям* (Р. Хестанов. Как пережить кризис); *Вторая версия более правдоподобна, поскольку наделать столько глупостей в здравом уме невозможно* (А. Макаров. Киевские конкистадоры).

Слот «Действие, лежащее в основе неразумного поступка». Признаки, объединяющие поступки группы, включают компоненты «делать что-то, что не согласуется с общепринятой нормой / ситуацией». Оценивание происходит по одной схеме: действие рассматривается в соотношении с конкретной ситуацией, мотивом, возможными последствиями или же личностью самого агента. Например, в следующем контексте номинация *глупый* употребляется применительно к человеку, чьи действия не соответствуют ситуации: *Говорили про подружку одного из них – глупую приезжую девушку, все делающую невпопад, открывающую рот где не надо и вводящую в конфуз* (Е. Долгинова. В сугроб обратно!). В следующем примере описывается ситуация, в которой возможные последствия не соответствуют мотиву поступка: *В конце пятидесятых годов мама вдруг решила отделаться от следа «заблудшей юности» и, заперевшись в ванной комнате коммунальной квартиры, облила татуировку соляной кислотой. В результате она вместе с заблуждениями едва не лишилась руки. Спрошенная сыном-подростком, почему она сослалась на трагическую невозможность носить платья с коротким рукавом и на то, что жена советского офицера не может выглядеть как хулиганка* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха).

Слот «Оценка неразумного поступка / агента неразумного поступка». В дискурсе выявляется негативное отношение к поступкам данной группы, подчеркивается идея нелепости, необоснованности неразумного поведения и вытекающей отсюда необходимости пресекать подобные поступки. Прототипической для глупости следует считать отрицательную оценку, которая может быть выражена эксплицитно или имплицитно: *В жизнь я встал трудно, медленно, делал глупости, досаждал себе и другим* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей); *Если бы я рассказал вам хоть пятую часть всех безрассудств его молодости, вы бы были шокированы* (Д. Рубина. Наш китайский бизнес).

Оцениваться как неразумные могут самые разные поступки: *глупая выходка / шалость / жест / геройство; идиотская шалость / выходка; безрассудное геройство / выходка / дерзость; идиотская шалость / выходка / дерзость; безумный жест / шалость / дерзость / геройство / шаг*. Это позволяет определить категорию неразумных поступков как оценочную, репрезентирующую среди структур знания структуры мнения и оценки мира (см. типологию категорий в работе [24. С. 12]).

Единицы слотов сочетаются с интенсификаторами, что свидетельствует о наличии шкалы отрицательной

оценки поступков. Ср.: *круглая дура / дурак; полный дурак / идиот; большая / полная глупость*. Например: *Связываться с газетой, где редактор – император, а члены редколлегии – Толстой, Достоевский, Илья Муромец и Алеша Попович, – значит заранее записаться в законченные идиоты* (П. Ковригин. Кто последний в цари?); *Немец полный дурак – стреляет* (В. Гельфанд. Дневники); *Она не склонна к суициду, потому что это полная глупость – кончать с собой* (М. Перова. «Металлик» для Джульетты); *При нем больших глупостей почти не делалось* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий).

Человек, совершающий безрассудства, как положительно оцениваемый агент поступка, эксплицирован прежде всего в художественных текстах, в которых внимание уделяется характерным признакам русского национального характера, а склонность к безрассудным поступкам, осознается как неперемный атрибут русской души. Например: *Конечно, в глазах многих Марк Семенович Шубкин был и остается комической фигурой: все его идеалы, верования, приход к ним и уход от них, а главное, всякие по этому поводу ужимки и жесты выглядели смешно, – но при этом в нем было и что-то трогательное, в его действиях имели место благородные порывы и элементы почитаемого в нашем обществе безрассудства* (В. Войнович. Монументальная пропаганда).

Глупость оценивается положительно, когда она противопоставляется скучной предсказуемости зрелого человека, привыкшего к размеренному образу жизни. В таком случае неразумный поступок соотносим с порывом, с демонстрацией себе и окружающим, что жизнь с ее радостями и приключениями продолжается. Например, в следующем примере глупость сближается с чудачеством, и в этом случае может оцениваться положительно. *В их медовом году ей нравились даже его пьяные эскапады. Они так прямо приправляли жизнь. Протрезвев, Шурик ничего не помнил, требовал все новых подробностей, каждую малость встречал прокуренным гоготанием: «Врешь, зараза!», и страшно гордился тем, что еще способен глупить и куролесить* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана).

Слот «Мотив неразумного поступка». Для неразумных поступков характерны неясные мотивы. Непонимание мотива является во многих случаях одним из оснований причислить поступки к данной группе. Ср. высказывание В.И. Карасика: «Людам свойственно считать свое собственное поведение нормой, точкой отсчета, по отношению к которой устанавливаются приемлемые и неприемлемые отклонения от нормы. Первое, что приходит в голову при столкновении с человеком, чей стиль поведения резко отличается от моего собственного, чьи ценности лишены целесообразного (с моей точки зрения) объяснения, – это сомнение в интеллектуальной состоятельности этого человека» [25. С. 252]. Например: *К тому же меня смущала слишком уж очевидная глупость этого поступка. Немотивированность и бессмысленность его сбивали с толку. Для чего Лене этот портрет? Загадки, загадки...* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда).

В речи, ввиду неясности и множественности мотивов, акцентируются причины неразумных поступков. Судя по примерам НКРЯ, поступок, который в результате оценивается как неразумный, совершается, когда человек находится под воздействием факторов, способствующих изменению привычного состояния (покоя и стабильности), в результате чего утрачивается способность контролировать свои эмоции, например, в стрессовой ситуации, когда агент поступка испытывает страх или напряжение, когда влюблен и т.д. Ср.: *Вот их я очень боюсь. А когда я боюсь – я делаю глупости* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки); *Если совершит величайшее безрассудство во имя любви можно в молодые годы, то понять его и, быть может, пожалеть, что в твоей жизни такого не было, можно лишь в зрелые* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Слот «Результат неразумных поступков» представлен в русскоязычном дискурсе как отрицательный. Устойчивое словосочетание *непростительная глупость* характеризует негативные последствия поступка. Ср.: – *Не делай глупостей, сынок! Малейший намек на вранье, на обман – и тебе конец* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет); *Опомнись, сыночек. Твои безумства не кончатся добром. Ты должен остепениться и начать совершенно новую жизнь* (Е. Парнов. Александрийская гемма).

Представления о неразумных поступках незначительно эксплицированы в вербальных ассоциациях говорящих на русском языке. В «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова в качестве стимулов, имеющих прямое или косвенное отношение к категории «неразумный поступок», представлены лексемы *глупая, глупый, глупое, глуп, глупец, глупо, глупа, глупости, глупость, идиот, дура, дурак, дураки, идиот, идиотка, идиоты, идиотизм, идиотский, безумие, безумная, безумный* [26].

Ассоциативный материал показывает, что глупость осознается как характеристика личности, а не поступок, например, стимул *глупец* вызвал реакции *безграмотный 1, бездарь 1, безмозглый 1, глупость – безграмотность 1, недалекость 1*; аналогичные реакции выявлены на стимулы *дура* и *дурак*: *безграмотная 1, безмозглый 1*.

Представления о поступках отражены в ассоциативно-вербальной сети незначительно. Ассоциаты выявляют то, что глупые поступки свойственны молодому и неопытному человеку: стимул *глупости*: *детские 5, дети 1, маленькие дети 1, молодости 1, неопытность 1, ребенок 1*.

Ассоциативные данные позволяют лишь предположительно утверждать об основных характеристиках действий в основе неразумных поступков. В Русском ассоциативном словаре актуализированы действия разного характера, которые ассоциируются у носителей русского языка с глупостью. Ср. разнообразные реакции на стимулы *глупо*: *курить 1, не делать 1, отпрашиваться 1, притворяться 1, пропадать 1, спрашивать 1, уходить 1; идиот*: *идуций от людей в ночь 1, тот, кто пьет 1*. Стимулы *мечь 2, пожениться 2, атаковать 1, совет 1* породили реакцию *глупость*. Мечь также ассоциируется с поведением дурака: стимул *мечь* – реакция *дурак*. Выделяется группа

единиц, которая указывает на одну и ту же особенность действия в основе глупого поступка, – это действие, выполняемое по собственному желанию, без принуждения. Ср. стимулы, вызвавшие реакции *идиот*: *доброволец 5, активист 3, инициативный 3, активный 1; глупый*: *инициативный 1, донор 1; безрассудный*: *доброволец 1; дурак*: *инициативный 15, деятельный 5, активный 3, активист 2, доброволец 2*. Лживое поведение также ассоциируется с глупостью: стимулы *враки 1, вранье 1, сплетни 1, ложь 1, байки 1* вызвали реакции *глупости* и *глупость*; стимулы *обман 1* и *плут 1* вызвали также реакцию *дурак*.

Также выявляется прототипическая отрицательная оценка неразумных поступков: стимул *глупости* вызвал реакции *пакости 1, плохо 1*; стимул *глупость* – реакции *ошибка 1, проблема 1, непростительная 1*; стимул *дурак* – реакции *неприятности 1, попал впропак 1*.

То, что глупость результативна, подтверждается стимулом *последствие*, который вызвал реакцию *глупости*.

Проведенное исследование показало, что имена *глупость, безрассудство, безумие, безумство, идиотизм, идиотство* являются именами поступков, так как они обозначают сознательные, социально направленные действия, получающие оценку. Представления о неразумных поступках концептуализированы в русском языке, русской речи и сознании говорящих в виде фрейма, имеющего определенную логико-когнитивную структуру: слоты «мотив поступка», «агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «оценка поступка», «результат поступка». Некоторые элементы данной модели получают лексическую репрезентацию в виде слов с соответствующими лексическими значениями: агент: *глупец, дурак, дура, идиот, идиотка, безумец*; действие: *глупить, наглупить, сглупить, дурить, дуровать, сдурить, безумствовать*; оценка: *глупый, глупо, идиотский, поидиотски, безрассудный, безрассудно, безумный*. Слоты «Агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка» и «Результат поступка» получают актуализацию в дискурсе, ассоциативных реакциях. «Мотив поступка» эксплицирован только в дискурсе.

На всех уровнях вербализации знаний актуализированы слоты «Агент поступка», «Действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка, агента поступка».

К прототипическим признакам элементов ситуации «неразумный поступок», судя по проведенному исследованию, относятся следующие особенности. Признается распространенность подобных поступков. Прототипическим агентом является человек, неспособный адекватно оценивать ситуацию вообще или в конкретный момент (из-за юного возраста или под воздействием эмоций). К прототипическим следует отнести действие, противоречащее общепринятым правилам поведения или не согласующееся с конкретной ситуацией / личностью агента. Понятие «неразумный поступок» связано с отрицательной коннотацией; лексемы, вербализующие группу «неразумный поступок», служат для негативной характеристики интеллекту-

альных способностей человека и результатов его интеллектуального труда, его поступков. Дискурсивные и ассоциативные данные также показывают, что неразумные поступки могут вызывать сочувствие, в некоторых случаях – положительную оценку (романтические безумства влюбленного человека). Результат поступка эксплицирован в дискурсе и представляется как негативный для агента поступка. В основе любого поступка лежит определенный мотив. Поступки данной группы – не исключение. Однако мотив занимает пе-

рифериальное положение по сравнению с другими элементами в структуре ситуации «неразумный поступок». В целом мотивы неразумных поступков неясны. В дискурсе конкретизированы лишь причины неразумных поступков за счет упоминания обстоятельств, при которых совершаются поступки, в результате оцениваемые как неразумные: регулярны упоминания о том, что агент совершает поступок в измененном психологическом состоянии (находится под воздействием алкоголя, переживает личную трагедию и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
2. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
3. Пименова М.В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. Тамбов : Ин-т языкознания РАН, 2010. Вып. VII. С. 119–129.
4. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.
5. Некрасов С.И., Молчанова Н.С. Значение теории фреймов в современной науке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Филология. Социология. Право. 2009. Т. 16, № 10. С. 13–17.
6. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5. С. 29–35.
7. Smith E.E., Medin D.L. Categories and Concepts. Cambridge, 1981. P. 260–272.
8. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. Oxford, 2010.
9. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 23–34.
10. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
11. Кручинкина Н.Д. Категориальное пропозитивное семантико-грамматическое оформление концептуализации прототипов событий // Когнитивные исследования языка. Типы категорий в языке. Тамбов : Ин-т языкознания РАН, 2010. Вып. VII. С. 386–394.
12. Бушуева Л.А. Фреймы поступков «геройство» и «подвиг» в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. Вып. 102, № 9 (391). С. 51–57.
13. Бушуева Л.А. Реализация инвариантной модели фрейма поступка (на примере фрейма «чуждачество») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. № 2, т. 1. С. 80–87.
14. Осадчий М.А. От пропозиционального моделирования типа к пропозиционально-фреймовому моделированию гнезда и словообразовательной системы в целом // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посв. 75-летию проф. А.Н. Тихонова. Елец, 2006. С. 286–289.
15. Муратова Е.Н. Структура семантического фрейма «школа» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. С. 31–34.
16. Капусткина О.Ю. Слот «любовь» в рамках фрейма «межличностные отношения» // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54. С. 74–79.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.03.2018).
18. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
19. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003.
20. Большой универсальный словарь русского языка / ред. В.В. Морковкин. М. : Словари XXI века, 2017.
21. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998.
22. Малый академический словарь. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm> (дата обращения: 24.04.2018).
23. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М. : Рус. яз., 2001.
24. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
25. Карасик В.И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009.
26. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М. : Астрель, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 июня 2018 г.

FRAME MODEL AND PROTOTYPICAL MEANINGS OF THE CATEGORY “UNWISE ACT” (IN THE RUSSIAN LANGUAGE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/434/1

Lyudmila A. Bushuyeva, Linguistic University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sebeleva@yandex.ru

Keywords: act; unwise act; frame; prototype; discourse analysis; verbal associations.

The aim of this paper is to show how the frame model of acts is represented in the system of the Russian language, discourse and word associations. The semantic group “unwise act” is taken as an example. The research objectives are to determine the components and its prototypical characteristics of the frame of the group “unwise act”, to analyze which of the components are expressed more than the others in the system of the language, discourse and associations. The sources of the material are dictionaries of the Russian language including the dictionary of synonyms, the ideographic dictionary, the association dictionary; the texts of the Russian National Corpus (13,718 texts; 26 words of different parts of speech that represent the group “unwise act”). To reach the objectives, the following methods are applied: the analysis of the semantics of the words; the analysis of word combinations, synonymous and derivational links, associative data. The research is based on the current cognitive approach, according to which people learn about the world through categorization, which is a process in which ideas and objects are recognized, differentiated, and thus understood. The categories in a language are arranged with the help of structures with prototypical and peripheral elements. A prototype is viewed in

the paper as an object that can be defined as a unity of elements with the features which are associated with a certain category. In other words, it is the most central member of a category. A frame is considered to be one of the means of structuring knowledge and experiences. By means of vocabulary research, words, which denote the situation of an unwise act, are identified. These words are thoroughly analyzed in terms of their semantic peculiarities, which helps to design a model of the situation the words represent. As part of the study, the peculiarities of their functioning in the Russian discourse and their associative links are investigated. The analysis of the dictionary data helps to build a frame and determine its basic elements: “aim”, “act”, “subject”, “assessment”, “result”. Discourse analysis specifies the core of the frame and the prototypical characteristics of its components. The study of the word associations makes the prototypical features of the frame of the group “unwise act” more exact. Comparison of the dictionary, discourse and associative data helps to find out the most and least important elements within the frame.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (1997) *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Doroshevskiy, V. (1973) *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow: Progress.
3. Pimenova, M.V. (2010) Estestvennaya kategorizatsiya v yazyke (na primere kontseptov vnutrennego mira) [Natural categorization in language (on the example of concepts of the inner world)]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Tipy kategoriy v yazyke* [Cognitive studies of language. Types of categories in the language]. Is. 7. Tambov: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 119–129.
4. Boriskina, O.O. & Kretov, A.A. (2003) *Teoriya yazykovoy kategorizatsii. Natsional'noe yazykovoe soznanie skvoz' prizmu kriptoklassa* [Theory of language categorization. National linguistic consciousness through the prism of a cryptoclass]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Nekrasov, S.I. & Molchanova, N.S. (2009) Znachenie teorii freymov v sovremennoy nauke [The value of the theory of frames in modern science]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Sotsiologiya. Pravo.* 16(10). pp. 13–17.
6. Gusel'nikova, O.V. (2009) Vozmozhnosti freymovogo analiza [Opportunities of frame analysis]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya.* 5. pp. 29–35.
7. Smith, E.E. & Medin, D.L. (1981) *Categories and Concepts*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 260–272.
8. Geeraerts, D. (2010) *Theories of Lexical Semantics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Gol'din, V.E. (1997) Imena rechevykh sobytii, postupkov i zhanry russkoy rechi [The names of speech events, actions and genres of Russian speech]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 1. Saratov: Saratov State University. pp. 23–34.
10. Ufimtseva, A.A. (1974) *Tipy slovesnykh znakov* [Types of word signs]. Moscow: Nauka.
11. Kruchinkina, N.D. (2010) Kategorial'noe propozitivnoe semantiko-grammaticheskoe oformlenie kontseptualizatsii prototipov sobytii [Categorial propositive semantic-grammatical forms of conceptualization of event prototypes]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Tipy kategoriy v yazyke* [Cognitive studies of language. Types of categories in the language]. Is. 7. Tambov: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. pp. 386–394.
12. Bushueva, L.A. (2016) The frames of the acts of heroism and exploit in the Russian language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences.* 102:9(391). pp. 51–57. (In Russian).
13. Bushueva, L.A. (2017) Realizatsiya invariantnoy modeli freyma postupka (na primere freyma “chudachestvo”) [Implementation of the invariant model of the frame of action (by example of the frame “eccentricity”)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva.* 2(1). pp. 80–87.
14. Osadchiy, M.A. (2006) [From the propositional modeling of the type to the propositional frame modeling of the nest and the derivational system as a whole] *Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki. Tikhonovskie chteniya* [Topical issues of modern linguistics. Tikhonov readings]. Proceedings of the International Conference on the 75th anniversary of Prof. A.N. Tikhonov. Elets: Elets State University. pp. 286–289. (In Russian).
15. Muratova, E.N. (2011) Structure of the semantic frame “school”. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 10(64). pp. 31–34. (In Russian).
16. Kapustkina, O.Yu. (2011) Slot “lyubov” v ramkakh freyma “mezlichnostnye otnosheniya” [Slot “love” in the frame “interpersonal relationships”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism.* 13 (228):54. pp. 74–79.
17. National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. (Accessed: 15.03.2018). (In Russian).
18. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
19. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2003) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Shkola “Yazyki slavyanskoy kul'tury”.
20. Morkovkin, V.V. (ed.) (2017) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Big universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovare XXI veka.
21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary, systematized according to the classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1957–1984) *Malyy akademicheskii slovar'* [Small academic dictionary]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. [Online] Available from: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>. (Accessed: 24.04.2018).
23. Efremova, T.F. (2001) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Interpretive word-formation: in 2 vols]. Moscow: Rus. yaz.
24. Kubryakova, E.S. (2006) Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 65(2). pp. 3–13.
25. Karasik, V.I. (2009) *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis.
26. Karaulov, Yu.N. et al. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Moscow: Astrel'.

Received: 21 June 2018